

Новиченков А.Н. «Купе»

Новиченков Артём

«Купе»
(2013)

Действующие лица:

Пассажиры

Проводник

Действие первое

В сидячем шестиместном купе четверо. Двое мужчин у окна играют в шахматы. Третий читает газету. Ещё один мужчина, на угловом сиденье, спит. Входит человек в шляпе. Все, кроме спящего, оборачиваются. За окном ливень.

Роман: Добрый день.

Все: Добрый. Здравствуйте.

Роман: (Константину) Извините, это моё место.

Константин: Ах, да... (начинает вставать)

Роман: Нет-нет. Что вы! Сидите.

Роман вешает куртку на крючок, закидывает вещи наверх, присаживается рядом с Константином напротив Филиппа.

Роман: Фу-ух. (утирает лоб) Ну и погода. (помолчав) Кто выигрывает?

Глеб: (берёт пешку) Позиционная борьба.

Константин: (берёт пешку) Всегда проигрываю дебюты.

Глеб: Да брось.

Поезд трогается. Молча едут. Проводник заходит, проверяет билеты.

Проводник: Лотерейных билетиков не желаете? По сто рублей всего. Приз – семь миллионов!

Глеб: Выигрывают?

Проводник: Да, вот на прошлой неделе женщина выиграла сто тысяч.

Роман: Дайте мне один.

Роман отдаёт деньги за билет. Филипп из-за газеты качает головой.

Проводник: Чай, бутербродики не желаете?

Филипп: Можно чай?

Проводник: С сахаром?

Филипп: Без.

Проводник: Бутерброд? Есть с сыром, с колбаской. Колбаска хорошая, свежая. Недорого.

Филипп: Нет, спасибо.

Роман: И мне.

Проводник: Чай?

Роман: Да, с сахаром. И, пожалуйста, с сыром бутерброд.

Проводник: Возьмите с колбасой, очень вкусные.

Роман: Хорошо, и с колбасой давайте.

Глеб: Кость, ходи.

Роман: Вас Константин зовут? Я так сына назвать хочу.

Проводник, взяв деньги, уходит. Константин снимает с рукава длинную нитку. Он делает из неё петлю и надевает на шею пешку. Делает ход конём.

Константин: Шах. *(Вешает пешку на нитке, скидывая её со стола, раз и другой)*

Роман: Что вы делаете?

Константин: Что?

Роман: Ну, с пешкой. Вешаете её.

Филипп обращает внимание на это, после, приснув, ныряет обратно за газету. Глеб напряжён и уходит королём.

Константин: А что?

Роман: Да ничего. Просто... зачем это?

Константин: А что такого?

Глеб: Кость, прекрати.

Константин: Нет, что я такого сделал?

Глеб: Зачем людей нервируешь?

Константин: Чем это я нервирую?

Роман: Да что вы! Продолжайте. Я просто спросить...

Константин: *(ходит слоном)* Шах. *(ещё раз вешает пешку)*

Глеб: Костя, я же попросил.

Константин: Да что, чорт возьми, я такого сделал?

Роман: Просто ассоциации неприятные.

Константин: У вас кого-то повесили?

Роман: Нет.

Константин: Впечатлительны?

Роман: Ну, как сказать...

Константин: Неприятен вид смерти?

Роман: Да.

Входит проводник с чаем и билетами. Филипп откладывает газету.

Константин: Глеб, будешь чай?

Глеб: Ага. *(защищает короля)*

Константин: *(проводнику)* Ещё два чая.

Проводник берёт деньги и выходит.

Константин: Постойте. Скажите, а к нам ещё кто-то присоединится?

Проводник: Да, вроде должен кто-то.

Константин: Спасибо.

Проводник выходит.

Константин: *(Роману)* Вы вегетарианец?

Роман: Я? Нет.

Константин: А как же вы мясо едите? Животных же убивают.

Роман: Ну, так я не видел.

Глеб: Кость, отстань от человека.

Константин: Но вы же знаете, что их убивают?

Роман: *(робко)* Знаю, но...

Константин: То есть осознания вам мало?

Глеб: Ты будешь ходить или нет?

Константин: *(ходит)* Мат.

Роман: Я просто хотел сказать, что смерть – это страшно.

Глеб: Ещё будешь? Ты белыми.

Константин: А как бы вы отнеслись, если бы кто-то из нас вдруг умер?

Глеб: Будешь? Перестань до человека докапываться. *(Роману)* Вы его извините, он сегодня не в настроении.

Роман: Да что вы...

Константин: Ну так? Как бы отнеслись к смерти вот в этом купе?

Роман: Я... я не знаю.

Филипп: Послушайте, отстаньте от него.

Глеб: Костя, давай в шахматы.

Константин: Не хочу.

Входит проводник с чаем. Все сидят и молча пьют чай. Роман не притрагивается к бутербродам. Константин наливает в стакан из-под чая воду и запивает таблетку. За окном просторная Русь с деревнями, буераками и нищетой.

Роман: *(всем)* Хотите бутерброды? У меня что-то аппетит пропал.

Глеб: Не откажусь. *(берёт бутерброд с колбасой)*

Константин: *(всем)* Не доеду до Москвы.

Глеб: *(перестав жевать)* Что? В смысле?

Константин: В прямом.

Роман: Сойдёте в Твери? Красивый город. У меня мать оттуда.

Глеб: *(Константину)* Ты о чём?

Константин: Я белыми, говоришь?

Пауза

Глеб: Нет, постой, что ты имел в виду?

Константин: Я просто сказал, что до Москвы я не доеду.

Глеб: А что ты – умрёшь что ли?

Константин: Угу. *(ходит пешком g2-g4)* Ходи.

Глеб: Что это за начало?

Константин: Дебют Гроба.

Роман: Извините, мне послышалось или вы сказали...

Константин: Что умру. Да, я сказал.

Глеб: Что?!

Константин: *(громко)* Я решил покончить жизнь самоубийством.

Глеб: *(с неподдельным удивлением)* Что за бред?

Константин: *(пожимает плечами)* Это не бред. А моё обдуманное и осознанное решение.

Глеб: Что за чушь ты несёшь?!

Константин: Глеб, я, кажется, не давал поводов ставить под сомнение...

Глеб: Извини, но то, что ты сказал...

Роман: Вы что, серьёзно?

Константин: Вполне.

Филипп: Пфф. *(ставит подстаканник на стол и исчезает за газетой)*

Константин: Я сделаю это сегодня, в ближайшие *(смотрит на запястье)* четыре часа.

Глеб, ходи. Никаких выстрелов и верёвок. Никаких криков и луж крови. Всё будет тихо и культурно.

Глеб: Ты шутишь?

Константин: Напротив. У меня с собой два грамма цианистого калия. Быстрая и безболезненная смерть. Ходи.

Глеб: Да не хочу я играть! Нет, погоди, я ничего не понимаю.

Константин: Тут нечего понимать. Я просто так решил и всё.

Глеб: А как же Алла, дети?

Константин: Я уже всё уладил, её это не коснётся.

Глеб: Нет, ты этого не сделаешь.

Роман: Кгхм. Я, пожалуй, выйду.

Константин: *(трогает его за рукав рукою)* Нет, оставайтесь. Прошу вас.

Филипп: Откройте дверь, душно.

Резко открывается дверь в купе.

Женщина с сальным ртом: У вас соли не будет?

Роман: Нет.

Не закрыв дверь, уходит. Слышно, как она врывается в соседнее купе с той же просьбой. В купе воцаряется молчание.

Константин: Завещание я уже подписал у юриста. Уладил все финансовые дела. Кому хотел позвонить – позвонил. Посмертная записка у меня во внутреннем кармане. Отдашь её Алле со скорбным лицом...

Филипп: *(перебивая)* Зачем вы всё это тут затеяли?

Константин: А вы имеете что-то против?

Филипп: А по-вашему это как, нормально сидеть тут и говорить нам, что вы собираетесь убить себя? Если бы вы это всерьёз, вы бы уже сделали дело, а не распространялись при всех.

Константин: Вот как. Я ждал, что вы что-нибудь скажете. Кто вы по профессии?

Филипп: Это не имеет никакого отношения.

Константин: Судя по газете, вы увлекаетесь не то политикой, не то финансами.

Филипп: И что?

Константин: А то, что вы прагматичный и скучный тип.

Филипп: *(покраснев)* Я?!

Константин: Вы. Не хотите поиграть в игру?

Глеб: *(неодобрительно)* Ну, Костя...

Константин: Я ставлю на то, что до Москвы не доеду. Идёт?

Филипп: За кого вы меня держите?

Константин: Да что тут такого? Обычный вопрос жизни и смерти.

Глеб: Нет, я отказываюсь это понимать.

Филипп: Я вам не верю. Вы ничего не сделаете. Весь этот цирк ради развлечения.

Константин: Значит, не верите. *(вытаскивает из пиджака футляр, открывает его и демонстрирует всем)* Это разбавленный в воде цианид калия. Одной такой дозы достаточно, чтобы завалить лошадь. Я медик и, поверьте, тут без шуток.

Роман: *(смотрит на шприц и закрывает лицо руками)* Господи...

Глеб: Убери его. *(смотрят с Константином друг другу в глаза; с напором)* Убери, я сказал.

Константин: Ну хорошо, хорошо. *(Роману)* Вы наверняка сейчас думаете, почему не купили билет подешевле или хотя бы в другом вагоне? А что сами думаете об этом, обо всём?

Роман, не отнимая от лица рук, мотает головой. Глеб достаёт фляжку.

Глеб: Отхлебните вот.

Константин: *(Роману)* Извините, что заставил вас переволноваться. Сколько вам лет?

Роман: Тридцать два.

Константин: Кем работаете?

Роман: У меня склад автозапчастей в Питере.

Константин: А в Москве?

Роман: Жена.

Константин: Ждёте ребёнка?

Роман: Сына.

Константин: Как назовёте?

Филипп: *(Константину)* И как вам не стыдно?

Константин: А за что мне должно быть стыдно?

Филипп: За всю эту комедию.

Константин: То есть мне должно быть стыдно, что поставил вас в известность о своих намерениях?

Филипп: Именно.

Константин: Вот как. А когда вы идёте по улице и видите, как пьяный человек валяется на тротуаре, ваше самолюбие это тоже трогает?

Глеб: Костя...

Филипп: Ни капли.

Константин: В чём же тогда разница? Разве что пьяница спивается медленно.

Филипп: Вот давайте без этого. Терпеть не могу, когда давят на совесть. Если решили умереть, так не надо ввязывать в это других. Но я считаю, что всё это ложь.

Роман: Вы правда так думаете? А шприц?..

Филипп: Пфф. *(вновь достаёт газету и делает вид, что читает)*

Роман: Вы правда вот так можете? Раз и всё?

Константин: *(улыбается)* Глеб, ты как считаешь, могу я?

Глеб: *(кивает Роману)* Может.

Роман: А зачем?

Константин: *(улыбается)* Ну наконец-то. Первый нормальный вопрос. Я ради этого и завёл разговор. Было интересно, что скажут незнакомые люди.

Филипп: Нет, это невозможно. *(достаёт из пальто сигареты и выходит)*

Константин: Вернётся. *(Роману)* Так что вы думаете?

Глеб: По-моему, это глупый разговор. Тебе это нужно обсуждать с близкими, а не с незнакомцами.

Константин: Что ты со мной, как с маленьким? Прекрати. Я выгляжу эмоциональным? Или похож на психа? Мы взрослые люди. Я могу отвечать за собственные поступки. *(смотрит на Романа)* Ну так?

Роман: Я... я не знаю. Но вам не стоит этого делать. Я, честно говоря, и сам думал об этом, но на это нужно много сил, да и всё как-то выправлялось. Неужели у вас всё так плохо?

Константин: Нет.

Роман: Зачем же вы тогда хотите это сделать?

Константин: Потому что больше ничего нет.

Роман: В смысле?

Константин: Ну... пустота. Везде. Над нами, вокруг нас. Нет ничего реального, за что можно было бы зацепиться. Сложилась такая ситуация, при которой нужно действовать, а ты уже всё перепробовал.

Роман: Я вас не понимаю. А как же семья, дети?

Глеб: Да, как же Алла?

Константин: Дети уже взрослые, жена от меня устала. Нет, конечно, она будет слёзно просить не делать этого, но в глубине души она этого хочет, я мерил её пульс, когда рассказывал историю об овцах.

Роман: Что это за история?

Глеб: Я её слышал. Ты рассказывай, а я пойду, отнесу стаканы. *(встаёт и зацепляет пальцами подстаканники)*

Константин: *(окликает его)* Глеб. Не звони ей. Я в любом случае не приеду.

Глеб сталкивается на выходе с Филиппом.

Константин: Я знал, что вы вернётесь.

Филипп: Не стоять же мне до Москвы в тамбуре!

Константин: Вам же наверняка интересно, чем это кончится.

Роман: Так что за история про овец?

Филипп: Овец?

Константин: Лет пять-шесть назад история была. Где-то на Кавказе, кажется. Полторы тысячи овец дружно спрыгнули с обрыва. Овцы, которые прыгали в конце, выжили, потому что гора трупов смягчала падение, но им всё равно не могли помочь.

Филипп: Я читал об этом.

Константин: Читали? Верите?

Филипп: Нет. Я вообще скептик до таких новостей. А это вы к чему?

Возвращается Глеб, на лице озабоченность.

Константин: Что, телефон не ловит?

Глеб: Не ловит.

Константин: Ещё час ловить не будет. *(встаёт)*

Глеб: Ты куда?

Константин: В туалет, а что?

Глеб: Я тебя не пущу.

Константин: То есть как это?

Глеб: Вот так. Мало ли, что ты там...

Константин: Да брось. Неужели ты думаешь, что я жил жизнь, чтобы покончить с собой в вонючем поездном сортире?

Глеб: Я всё равно с тобой пойду.

Константин: Как хочешь.

Глеб с Константином уходят.

Роман: *(протягивает руку)* Роман.

Филипп: Филипп. *(рукопожатие)*

Роман: А вы не знаете, кто это?

Филипп: Он тут уже спал, когда я вошёл.

Роман: Мм. Может его разбудить?

Филипп: Зачем?

Роман: Как зачем? У него тоже, наверное, есть мнение на этот счёт.

Филипп: *(подозрительно)* На какой?

Роман: Ну... о самоубийстве.

Филипп: Ой, прекратите глупостями заниматься. Не прикончит он себя.

Роман: Почему вы так уверены?

Филипп: А вы думаете, зачем он тут всё это устроил?

Роман: Ему интересно наше мнение.

Филипп: Эк какой вы наивный! Он на нас эксперимент ставит: испугаемся мы ответственности или нет.

Роман: *(с искренним удивлением)* Какой ответственности?

Филипп: Да за его смерть!

Роман: А я-то тут при чём?

Филипп: А вы ещё не понимаете? Если он тут себя отравит, на нас же первых подумают. Потом затаскают по судам, следствие... Вам оно нужно?

Роман: *(испугано)* Мне? Нет. *(шёпотом)* Что же вы предлагаете?

Филипп: Пусть убивается в Москве. Ему-то какая разница где?

Роман долго сидит задумчив. Возвращаются Глеб и Константин.

Роман: Филипп, спросите.

Филипп: Что?

Роман: Ну, что вы у меня спросили последнее.

Филипп: А что я спросил?

Роман: Ну, о месте...

Филипп: Ах. Мне не интересно. *(прячется за газету)*

Роман: Извините, а почему вы решили совершить самоубийство именно здесь?

Глеб: Забудьте! Не будет никакого самоубийства.

Роман: *(Константину; радостно, с облегчением)* Вы передумали?

Константин: Нет. Это Глеб так решил.

Глеб: Я сказал, ты не будешь этого делать! Иначе я вызову полицию!

Константин: Ха. И что ты им скажешь?

Глеб: Попытка самоубийства.

Константин: Но я же ничего не делал.

Глеб: Все подтвердят, что ты собирался. *(обращается к Филиппу)* Ведь верно?

Филипп: *(не опуская газеты)* Послушайте, не ввязывайте меня в это.

Глеб: *(Роману)* Но вы же подтвердите?

Роман: *(испуганно)* О нет, я не хочу брать ответственности...

Константин: Вот видишь, никто не хочет выглядеть дураком.

Глеб: Да это же абсурд! Неужели вы дадите ему вот так умереть?

Константин: Да, Глеб, вот так и дадут.

Филипп: *(опускает газету, складывает её вчетверо и швыряет на сидение)* Да вы прекратите или нет, наконец? Будьте мужчиной, выйдите на станции и сделайте дело там. Или в Москве. Зачем нас-то в это впутывать?

Константин: Выходит, никто кроме меня не заинтересован в моей смерти. Это даже хорошо. Одному неприятен вид смерти, просто страшно, другой не хочет брать ответственности, а третий... Глеб, а ты вот, протестуя, думаешь больше о себе или обо мне?

Глеб: Кость, да как ты...

Константин: Не перебивай. Ведь если я погибну, ты будешь жалеть в первую очередь себя, а не меня. Так всегда бывает. Проект ты один не потянешь, друзей у тебя таких больше нет. Не хочешь терпеть горечь утраты. Представляете, какое потрясение будет для вас моя смерть.

Глеб: Ты эгоист!

Константин: Нет, это ты эгоист. А мне просто любопытно стало перед смертью на настоящих людей посмотреть. *(Филиппу)* Как вас зовут?

Филипп: Филипп.

Константин: Константин. *(протягивает руку, Филипп, подумав, жмёт)* Ну как вам рукопожатие почти покойника? *(улыбается)*

Роман: Оу...

Филипп: Вы на меня жути не нагоните.

Константин: А я и не пытаюсь. Интересно просто, насколько у вас толстая кожа.

Пауза

Константин: *(абсолютно спокойно)* Я, знаете, прежде чем принять такое решение, рассмотрел все возможные варианты. То, что остановлюсь на ядах, я знал с самого начала. Было интересно, как умирает человек. А как действуют яды, мне хорошо известно. Вариант с пистолетом сразу отпал, возникла бы куча проблем. Да и потом, бывали случаи, когда после выстрела в висок несчастный ещё мучился около часа, а то и вовсе выживал. Представляете, как нелепо я бы выглядел? Другой вариант – повешение. Не менее отвратительное зрелище, чем мозги на стене, к тому же жалкое. Даже главных нацистов вешали, а не расстреливали. Кроме того, я сразу решил, что окончу жизнь в поезде, а с верёвкой это, мягко говоря, трудновыполнимо. Так что такой вариант меня полностью не устраивал. Ну а выброситься из окна в поезде удастся разве что человеку, болеющего анорексией. О том, чтобы утопиться в вагонном умывальнике я даже не говорю, это просто смешно. Да и не каждому это по силам – утопиться. Рефлексы, знаете ли, сильнее сознания. Так, изучив все возможные способы, я оставил предпочтение на ядах.

Немая сцена. Поезд резко останавливается. Барабанит дождь. По вагону суетно шагают люди.

Филипп: Вы извращенец.

Константин: Почему сразу извращенец? Вы же заботитесь о своей жизни. Почему бы не позаботиться и о смерти?

Филипп: Вы извращенец.

Константин: Зато теперь у вас нет сомнений, что я настроен серьезно.

Филипп: Чего же вы ждёте?

В углу купе, наконец, просыпается мужчина. Он трёт рукой измятое лицо, встаёт, бросает «Здрасьте», выходит.

Константин: Вот чего я жду. *(провожает выходящего взглядом)* А интересно вам, что происходит с человеком при отравлении?

Глеб: Костя, зачем ты это делаешь?

Константин: Два самых распространённых яда – это синильная кислота и цианистый калий. Я остановился на втором. Сейчас объясню, почему.

Глеб: Костя, хватит.

Константин: *(до этого спокойный, бьёт по столу; сдерживая себя, медленно)* Заткнись. И дай мне договорить.

Глеб выходит из купе. Поезд трогается.

Константин: Филипп, вам интересно? А вам, Роман?

Роман: Да, очень познавательно, но...

Константин: Ну, тогда я продолжу.

Роман: *(испугано)* Откуда вы знаете моё имя?

Константин: На билете прочитал. Так вот. Острые отравления синильной кислотой и цианидами встречаются в двух формах – молниеносной и замедленной. Я расскажу только о первой.

Возвращается Артём.

Артём: Лекторий?

Константин: Присаживайтесь.

Артём: Что-то случилось? Там мужчина кричит в телефон и машет руками.

Константин: Не принимайте близко к сердцу.

Филипп: *(с издёвкой)* Мы благодаря этому джентльмену все дружно сходим с ума!

Артём: А! Это интересно!

Константин: Так вот. При молниеносной смерти человек почти мгновенно теряет сознание, а смерть наступает через пять-десять минут, может и раньше. Цианистый калий попадает в желудок и взаимодействует там с соляной кислотой. В результате образуется синильная кислота. В ходе химических реакций ткани перестают усваивать кислород, не

работает прямая блокировка гемоглобина, и клетки, фактически, задыхаются. Человек начинает ртом хватать воздух, но это не спасает положения. Смерть происходит от рефлекторной остановки сердца. Достаточно одного грамма синильной кислоты, чтобы убить человека. И вот, что интересно: приняв дозу цианистого калия, ты не знаешь, на сколько ещё тебя хватит: можно потерять сознание через десять секунд, а можно через минуту. Тогда как синильная кислота убивает практически сразу. Удивительный факт, но многие люди не чувствуют запаха циановодорода, только неприятное ощущение в горле. У него такой горький миндальный аромат.

Слышно только, как стучат колёса. Константин наливает в стакан из-под чая воду и запивает таблетку.

Артём: Очень интересно! *(прищурившись)* Это вы по первому каналу передачу смотрели про яды? Да? Я вас разгадал?

Константин: Вообще я медик.

Артём: Мм. Учёная степень. все дела, да?

Константин: Типа того.

Артём: Уважаю.

Глеб: *(открывая дверь)* Ты закончил? *(отворачивается к окну)*

Константин: Заходи.

Артём: Да, я Артём. *(улыбается всем)* С кем не знаком. *(через минуту)* Погода паршивая. *(ещё через минуту)* До конца недели обещали. *(замечает муху, пытается поймать, безуспешно, все внимательно за ним наблюдают; Роману)* Ловите её!

Роман: Кого?

Артём: Муху конечно же!

Роман: Где?

Артём: Да вот же!

Роман: Да нет здесь никакой мухи.

Артём: Как нет, если... А, действительно. Показалось, значит...*(сидит поражённый)*

Филипп: Послушайте, а вы, когда спали, совсем ничего не слышали?

Артём: *(испугавшись)* А?!

Филипп: Вы пока спали, ничего не слышали?

Артём: А что?

Филипп: Ну... слышали?

Артём: Что слышал?

Филипп: Чорт возьми! Да как мы разговаривали, слышали?

Артём: Ааа... Нет.

Филипп: Значит, вы не в курсе о чём тут шла речь.

Артём: *(подозрительно)* Вы на что намекаете?..

Филипп: Да нет. Я просто.

Артём: Ага. Знаю я вас.

Константин: Артём, как вы относитесь к смерти?

Артём: В смысле – к смерти?

Константин: В смысле конца жизни. Остановки жизнедеятельности.

Артём: Оу... (*погрустнев*) У меня в том году собака умерла. Ужасно.

Константин: Да я о человеческой смерти.

Роман: (*шёпотом*) Ужасно... ужасно.

Артём: А, о человеческой? Ну это как посмотреть. Вообще я спокойно.

Константин: А к самоубийству как?

Артём: К самоубийству? Да так же. Личное дело каждого.

Константин: Ну вот, скажем, я хочу покончить жизнь самоубийством. Что вы на это ответите?

Артём: Валяйте!

Константин: Нет, вы не поняли. Вот прямо здесь. На этом самом месте, чорт возьми.

Артём: Да пожалуйста.

Константин: Вы серьёзно?

Артём: Ну а что? Ваше дело. Стреляться/не стреляться.

Глеб: (*нарушая молчание; удивлённо*) И что – вы бы даже ничего не предприняли?!

Артём: Почему же. Вызвал бы врача, что там ещё? Полицию нужно вызывать?

Глеб: (*поправляя очки*) То есть собаку вам было жалко, а человека нет?

Артём: Так то был мой Тобик! Я же с ним вот таким ещё играл, папа с работы принёс! Там у них ещё работала тётя Лариса, толстомордая такая.

Константин: (*хохочет*) Bravo! Bravo!

Поезд останавливается.

Роман: Что это?

Глеб: Уловка какая-то...

Филипп: Может, Угловка?

Глеб: Не, там Г нет. Первых букв нет.

Филипп: Украли.

Артём: Да Окуловка это. Окуловка. Меня тут как-то высадили один раз...

Поезд трогается. В купе входит здоровенный мужик: «Добрый день». Закидывает вещи наверх, садится в угол напротив Артёма. Роману приходится подвигнуться. Мужик достает из пакета термос огромных размеров, бутерброды в фольге, коробок соли, варёные яйца.

Мужик: Чайку?

Артём: Ой, мне, если можно.

Мужик: Можно, конечно. Куда лить-то?

Артём роется в карманах, достаёт рюмку, понимает, что та не подойдёт, произносит «Я сейчас» и выбегает. Возвращается с пластиковым стаканчиком. Во время всей сцены в купе полная тишина.

Артём: Во, хорош! Спасибо.

Мужик: Ещё кто желает?

Артём: Я – Артём. А вас как?

Мужик: Володя.

Артём: Очень приятно. *(после паузы)* Погода-то не сахар.

Владимир: Ага. Дерьмо.

Артём пьёт чай. Владимир вытаскивает из фольги бутерброды, чистит яйцо. Купе наполняется запахами. Глеб безуспешно пытается открыть форточку. Ему помогает Константин, и та поддается.

Глеб: Извините, а вы не могли бы больше здесь не чистить яйца?

Владимир: Воняет? Ладно, не буду. *(разом проглатывает яйцо)*

Сидят молча ещё с минуту.

Артём: *(отхлёбывая чай, Константину)* А вы это чего спрашивали-то про самоубийство?

Филипп: *(после паузы)* Да вот у нас тут человек собрался кончать с собой, и ждёт, что мы его отговаривать будем. Не знаю: передумал/нет.

Артём: *(с энтузиазмом)* Что? Серьёзно? *(задумавшись; Константину)* А вы давно это?

Константин: Что?

Артём: Ну, собрались... с жизнь-то?

Константин: *(ухмыляется)* Давно.

Артём: *(рассудительно)* Значит, неспроста. То есть, обдуманно. Ааа... это вы про яды-то не случайно, значит. Я считаю, что самоубийство – это дело достойное, не всякому по силам. Если человек решился на такое дело, это говорит о его характере, о силе духа, если хотите. Это я о... – как бы выразиться? – о рассудительном самоубийстве, а не об эмоциональном, так сказать. И окончательно? Да? Значит, непременно надо кончать.

Владимир перестаёт жевать и замирает.

Константин: Вы правда так думаете?

Артём: Конечно! А на фига продолжать эту нервотрёпку? Если б у меня хватило духу, я бы сам давно уже, а не это!.. *(трясёт правой рукой, из рукава выпадает початая чекушка; отхлёбывает; с горечью)* Я вам даже завидую.

Владимир удивлённо наблюдает за беседующими, будто следит за настольным теннисом.

Константин: А не хотите со мной?

Артём: С вами? Вы предлагаете покончить с жизнью, как будто закурить сигарету.

Константин: По большому счёту, разницы нет. Ну же, вы же хотели. Я знаю, одному страшно.

Артём: *(колеблется)* Я не знаю, я...

Константин: А впрочем, у меня доза только на одного. Вот ведь незадача... Я, конечно вам её не отдам.

Артём: *(с радостью)* Значит, в следующий раз.

Владимир: Ну ничего себе! *(с возмущением, тряся бутербродом в руке)* И я ещё его чаем угощал! *(громко)* Посмотрите! Да после таких слов, знаете ли. Да после! *(задыхается)* Да вас! Вас обоих! *(останавливается, его посещает мысль)* Вы что, меня разыгрываете? Я видел, как это по телевизору.

Константин: *(холодно)* Да никто вас не разыгрывает. И прекратите шуметь. А если что хотите сказать, так говорите спокойно.

Владимир: *(осев)* Скажите, как вы можете такое говорить? Да вообще в мыслях держать! Да какое вы право имеете? Бог вам жизнь дал, ум там, таланты всякие. А вы так?

Константин: Я в бога не верю.

Артём: Бог дал – бог взял, всё правильно. *(делает ещё глоток водки и занюхивает рукавом)*

Владимир: В Бога не верите? А в кого же вы верите?

Константин: Ни в кого.

Владимир: Как же так?

Константин: Что: каждый должен во что-то верить?

Владимир: Конечно. В Бога. Да как без веры жить-то?

Константин: *(довольно)* Хорошо.

Владимир: Вам хорошо? Вам, может быть, и хорошо. Вон какие зажиточные. Костюм, наверно, один стоит как моя зарплата.

Филипп: А сколько у вас зарплата?

Владимир: Восемь тысяч. Я больше всех в деревне получаю.

Глеб: С такой зарплатой я бы тоже в бога поверил...

Владимир: Вы что тут – все неверующие? *(Филиппу)* А вы? Вы верите?

Филипп: Об этом нетактично спрашивать.

Роман: Я верю.

Владимир: Ну слава Богу! Хоть один! Вот и не удивительно, что все в петлю лезут. Это чёрт вас путает.

Константин: По-вашему все, кто в бога не верит, обязательно лезет в петлю?

Владимир: Не все, конечно. Я не знаю. Но даже если не верите, оно пусть – не верите. Только жизнь она откуда? От Бога жизнь. А вы – вы посягаете на права Бога.

Константин: Что вы имеете ввиду?

Владимир: А то, что только Бог имеет право отнимать жизнь. Он её даёт, он и отнимает.

Константин: Что за абсурд? Даже если ваш бог существует, это допустим. Всё равно: моя жизнь – это моя жизнь! Я решаю: что с ней делать, как её жить. Если идти по вашей

логике, выходит, если я раздаю свои деньги – я сам у себя ворую? Я вор получаюсь? (с горечью) Да ни на что я не посягаю. Я просто хочу кончить с собой.

Владимир: Всё у вас так складно получается... Но грех-то какой на душу брать. Ведь самый тяжкий грех.

Константин: Если я не верю в бога, то и в ад не верю, и в рай. И в грехи тоже не верю.

Владимир: Вы не верите, а после смерти всё равно всем сосчитают. Да что я говорю! Я обязан вас уговорить не делать этого!

Глеб: (тихо) Бесполезно.

Владимир: У вас, может, семьи нет, жить не для кого?

Глеб: (переходя на крик) Да всё у него есть! Семья, дети! Работа, машина. Всё! Он даже не знает, зачем хочет это сделать!

Константин: Глеб! ты за меня не жил! Это раз. Я повторяю. Я взрослый человек и отвечаю за свои действия. (тихо) Я больше не хочу жить, я хочу умереть. Сегодня. В этом купе.

Артём: Правильно говорит.

Филипп: Зачем тогда весь этот балаган?

Константин: Да затем, чтобы вы, Филипп, узнали, какой вы есть на самом деле. Для того, чтобы знали, сколько в вас сил, сколько совести.

Владимир: Вы какую-то чепуху мелете. Совсем с дубу рухнули? Вы же вроде не дурак.

Константин: (разозлившись) Владимир, посмотрите на меня, посмотрите. Я похож на больного человека? Я просто устал. Вы же знаете, что такое усталость? Вы где, в поле работаете?

Владимир: На заводе стекольном. Подрабатываю, да, трактористом.

Константин: Вот. Вы должны знать, что такое усталость. Когда больше нет сил, а ты устаёшь дальше. Ты уже устаёшь уставать.

Глеб: Так возьми отпуск!

Константин: Нет, Глеб. Я не о той усталости говорю. Я... да куда тебе понять! Ты же всему рад. Купил новую раковину – рад. Ребёнок в школу пошёл – рад. Жена изменила – рад. Тошно! Тошно!

Роман: (со слезами на глазах) Я вас понимаю.

Владимир: Ну всё.

Выходит, возвращается с проводником.

Проводник: Что случилось?

Владимир: Вот он.

Проводник: Плохо? Это бывает. Иногда в замкнутом пространстве развивается клаустрофобия. Причём даже у тех, кто никогда ничего такого не испытывал. Меньше чем через час будет двадцатиминутная остановка в Бологое, выйдете, подышите. Окно открыто? Ага. А пока старайтесь чаще в окно смотреть, помогает. И дверь не закрывайте.

Проводник уходит.

Константин: Закройте дверь. Сквозит.

Артём закрывает дверь.

Константин: *(Владимиру)* Вы что удумали? Решили, спаситель?

Владимир: Спаситель или нет, а убить себя я вам не дам.

Константин: А какое вы имеете право? Что, вы меня произвели на свет, или, может, давали клятву оберегать меня? Какое вы имеете право на мою жизнь?

Владимир: Мы все друг за друга в ответе.

Константин: Да. Только если человек хочет решить свои проблемы, вы не имеете права вмешиваться.

Владимир: Вы хотите совершить зло.

Константин: А по отношению к кому? К вам? *(Филиппу)* Или к вам? *(Владимиру)* Я себе зло хочу причинить! Впрочем, это вы так называете – зло, может, для меня это благо, избавление. Вы не думали об этом?

Владимир: Это вы сейчас так говорите. А перед смертью передумаете. Да поздно будет. Вы за себя не отвечаете сейчас.

Константин: А кто за меня отвечает? Кто? *(на Артёма)* Он? *(на Филиппа)* Или он? Вон, спросите у него, в ответе он за кого-нибудь кроме себя или нет? Знаете, что он вам ответит? Что это глупый вопрос или что-то в этом роде. Вы один тут живёте по правде и по вере. И я, знаете, я вас уважаю. Но я другой человек. Мы с вами разные.

Артём: Как говорится, в чужой монастырь...

Филипп: Так. Хватит. Вы кого из меня здесь лепите? Бесчувственное животное? У меня тоже есть сердце. У меня две семьи, четыре ребёнка. Я еду от одной семье к другой. А в прошлом году я вытащил грудного ребёнка из горящей квартиры. И, представьте себе, мне за это не заплатили! Я даже не знал, что это были за люди. А что касается всей этой ситуации, то мне кажется, что вы либо трус, либо неудавшийся актёр, либо просто больны! Потому что настоящий мужик бы сделал дело тихо и без посторонних. Нет же! Вы повели себя как баба! Вам нужно было вмешаться в свои проблемы пятерых! *(показывает свою пухлую пятерню)* И мне действительно всё равно: отравитесь вы или нет. Меня это не касается. Меня интересует моя семья и мои дети. А для таких дураков, как вы...

Константин: Спасибо за честность. Только вы забываете одну важную вещь. Мы сейчас вместе. Мы едем в одном поезде, в одном вагоне. И всё бы ничего, но так уж сложилось, что вы попали в одно купе со мной.

Филипп: Я просто встану и выйду.

Константин: Не выйдете.

Филипп: Почему это?

Константин: Потому, что вы только что кричали, что я трус и баба. Значит, себя таким не считаете. Потому и не выйдете. Вам совесть не позволит. Теперь я точно знаю, что она у вас есть. Мы вместе доедем до Москвы. Живые или мёртвые, но доедем.

Артём: Такое ощущение, что я попал в реалити-шоу.

Глеб: *(устало)* Костя, что ты хочешь, чтобы мы сделали?

Константин: Ах, вот как! Ты же знаешь, что ничего. А что ты готов сделать? Что вы все готовы сделать? Уговоры, угрозы – это всё так... по-детски. Нет, давайте серьёзно.

(Роману) Вы готовы пожертвовать своей жизнью ради меня? Готовы?

Роман: *(испуганно)* Нет.

Константин: А почему? Почему должен умирать я, а не вы? Что, вы лучше меня что ли? Я медик, учёный, химик, я ещё принесу пользу людям, а вы, кто вы такой? Продавец шин и запчастей для старых иномарок? Вряд ли от вас будет больше пользы.

Роман: *(смотря в пол)* У меня сын родится.

Константин: Сын? У меня тоже дети. Но вы даже не знаете, родится ли он полноценным, не знаете, кем вырастет. Может, он тоже захочет кончить жизнь самоубийством? А?

(достаёт шприц) Возьмёт вот так шприц и бау!

Артём: Ух ёпт!

Глеб: Твою мать, что ты творишь?!

Роман бросается на Константина с криком «Сволочь!», их разнимают. Филипп уводит Романа умыться. Артём всю сцену сидит вжавшись в угол.

Артём: Твою ж силу...

Глеб: Ты совсем что ли охренел? Чего ты к нему пристал?

Константин: *(подавленно)* Не знаю.

Владимир: Вы к доктору обращались?

Константин: Я сам доктор.

Владимир: В вас бес вселился.

Константин: Тьфу ты.

Владимир: Я знаю, почему вы убитесь хотите. Это вы не от силы убитесь хотите, а от слабости.

Константин: *(поднимает взгляд)* Расскажите.

Владимир: Вы снаружи сильный, а внутри слабый. Таким как вы нельзя доводить до последней черты, а вы вот довели. И теперь сами не знаете, что с этим делать. Вы, может, когда садились на этот поезд, и взаправду хотели убится, только сейчас уже не так уверены. У нас в деревне был один, Степан. Тоже мучился, отчего – не известно, говорил, не знаю, как жить дальше. Один раз косою скосил всю картошку, а то облепиху срубил ночью. И всё маялся, мать настрадалась, не могли на него управы найти. Так он себя вилами проткнул. *(наливает себе чай)*

Глеб: И?

Владимир: И выжил, чего. Вилами разве убьёшься по-настоящему? Ну, он как оклемался, мы его в церковь. А ему уже всё равно было. Только перед батюшкой рыдал, как младенец. И всё.

Глеб: Что – всё?

Владимир: Ну что, вылечился. Правда уехали они с матерью в рай-центр, там что ли работа подвернулась. Куда это они пропали? Пойду посмотрю.

Владимир выходит, Артём, уже пьяненький, тоже. Поезд останавливается. Глеб взглядывается в Константина.

Константин: Ну, что ты на меня так смотришь? Скажи ещё, что мне в церковь надо.

Глеб: Да нет, конечно.

Константин: Глеб, я же не деревенский мужик. У меня же всё сложнее. Это молитвой не лечится. Я уже больше года так. Я не могу больше. Ну что мне надо было? Киллера нанять? Или тебя попросить?

Глеб: Терпеть надо, Костя, терпеть.

Константин: Ради чего?

Глеб: Ради... ради того, чтобы жить.

Константин: Как ты не понимаешь: мне всё равно жить или нет.

Глеб: Так живи! Живи! *(мотает головой)* Это обычный кризис.

Константин: *(тихо)* Холодно. Очень холодно.

Глеб: *(в непонимании)* Что?

Константин: Холодно.

Глеб закрывает окно.

Глеб: Зачем ты так с этим Романом? Он же... он же как ребёнок.

Константин: Не знаю.

Глеб: Ты не прав. Должен извиниться.

Константин: Не знаю. Стыдно.

Глеб: *(держит Константина за рукав)* Слышишь? Ты должен извиниться.

Константин: *(кивает)* Да. Надо. *(смотрит в окно)* Глупо всё это. А может, правду сказал Филипп? Может, и правда, надо было зарезать себя, как собаку?

Глеб: Что ты говоришь?

Константин: В какой-нибудь питерской подворотне. Чтобы не нашли сразу.

Глеб: Да выбрось ты эту блажь. Никто никого убивать не будет, понятно? Кость, тебя дома ждут. Небось, ужин приготовили.

Константин: *(с вызовом)* Ты звонил ей?

Глеб: Звонил.

Константин: Рассказал?

Глеб: Нет. Не смог.

Константин: Правильно...

Входит Артём. Поезд трогается.

Глеб: Ну, что? С ним всё в порядке?

Артём: Да, они там с Володей молятся.

Глеб: Молятся?

Артём: Да. Вслух. Прямо в тамбуре.

Глеб: *(удивлённо)* И Филипп с ними?

Артём: Не, он курит. *(Константину)* Слушайте, я перед вами... восхищаюсь просто! Знаете, что меня пугало всегда? Ну, когда я думал о самоубийстве. Что после смерти меня назовут помешанным. Я и так пью. Подумают, я это в угаре сделал, не думая. А я нормальный, я раньше картины писал. Верите?

Константин: Верю. Конечно, Верю.

Артём: Я же соображаю. А что от меня толку тут? Только матери житья не даю. Я зачем и в Москву еду: чтобы от этого дела отвлечься.

В купе входят Филипп и Роман, садятся. Владимир стоит в дверях.

Владимир: Вас же Константин зовут? Выйдете?

Константин встаёт, идёт к двери, Филипп встаёт и схватывает его сзади за руки, Роман держит ноги. Владимир закрывает дверь и вытаскивает футляр со шприцем из кармана Константина и убирает в свой. Константина отпускают. Покрасневший, он молча садится на своё место. Долгое время едут молча.

Константин: *(переведя дыхание)* Что вы за люди? Отнимаете последнее. Смерть – моё последнее убежище, вы меня лишаете...

Филипп: *(перебивает)* Вы думаете, это мы только для вас делаем?

Константин: За кого же вы меня принимаете?!

Филипп: А откуда мы можем знать, что вы нас тут всех не перетравите?

Константин: Да я что виноват, что он на меня бросился?!

Глеб: Костя.

Константин: Да. Роман, извините меня. Я перегнул палку.

Филипп: Да не просто перегнули палку. Вы её сломали!

Роман: Не надо! Не надо меня защищать! Он, может, всё правильно сказал. Я неудачник. Выгляжу жалко. Сопли...

Константин: Роман, это всё...

Роман: Не надо! Не хочу. Это какой-то ад. Всё это. Это замкнутое пространство. Духота. Все эти разговоры только о смерти. Везде темнота одна. Невозможно...

Глеб: Холодно стало, я и закрыл...

Роман: Хочется больше умирать, чем жить. *(Владимиру)* И Бог ваш – не помог.

Владимир: Вы же говорили, что верующий.

Роман: А что – Бог только верующим помогает?

Артём: Вот – да!

Владимир: Нет не только.

Роман: Мне он не помог.

Филипп: *(Константину)* Ну, довольны?

Константин: Да что такое?! Я же не виноват, что у него плохо с психикой и, судя по всему, фобии.

Владимир: Да как же вы не понимаете! Дело не в Романе, а в вас! Если бы вы верили...

Константин: Опять за старое.

Владимир: А вы думали, я отстану? Думали, дам вот так человеку просто взять и умереть? Вы же неполноценный человек.

Константин: Неполноценный? Это как это вы определили?

Филипп: Да псих он!

Владимир: Разве здоровый духом и телом будет убиваться?

Константин: Послушайте, а Христос ваш – не самоубийца? Ведь он знал, что его убьют. Разденут, унижат и убьют. Но он пошёл. Это был его выбор. Он знал, чорт возьми, что его убьют и он пошёл на это. Так что же Христос не самоубийца?

Артём: *(в восторге)* Действительно!

Константин: Почему же самоубийство Христа – это поступок, а самоубийство простого смертного – это грех?

Владимир: Это было не самоубийство, а самопожертвование!

Константин: Что за чушь?! Называйте это как хотите! Только вижу, нечего вам кроме этого ответить!

Владимир: Вы зря с Богом боритесь.

Константин: Только не записывайте меня в богоборцы.

Владимир: Вас лечить надо.

Филипп: Вас судить за такое надо!

Константин: Даже греки и римляне не считали самоубийство преступлением. А вы судить собираетесь. По каким законам?

Глеб: Я смотрю, ты основательно подготовился.

Константин: *(Филиппу)* А вот знаете, где за самоубийство наказывали? В концлагерях. Убивали.

Роман: Я видел фотографии. Это ужасно.

Глеб: Давайте помолчим.

Филипп: Откройте окно. Душно.

Артём: Может в картишки? *(никто не обращает внимания)* Ну, как хотите. Начинает играть сам с собой.

Начинается сильный ливень. Все смотрят в окно.

Глеб: Чая кто-нибудь хочет? Я схожу.

Владимир: *(поднимая термос)* Да я поделюсь.

Глеб: У меня нет кружки.

В дверь купе раздаётся сильный стук.

Голос: Это проводник! Откройте! Срочно!

Глеб открывает дверь.

Проводник: *(взволнованно, со сбитым дыханием)* Есть доктор? Там. В соседнем купе. Человеку плохо. Что-то случилось. Сердце что ли.

Константин спешно встаёт и выходит за проводником, Глеб за ним. Все покидают купе. Купе пустует долгое время. Может быть, минут десять.

Действие второе
«Бубны»

В купе все. Всё так же идёт дождь.

Артём: *(Константину)* А вы чувствуете запах миндаля?

Константин: Нет. Вот Глеб чувствует.

Артём: А я не знаю. Чувствую или нет. Это можно как-то проверить?

Константин: *(в шутку)* Попросите вот – шприц.

Владимир: *(серьёзно)* Мало вам приключений?

Входит проводник.

Проводник: Там пассажир. Которого вы спасли, хочет выразить благодарность. Он спросил...

Константин: Нет, пусть лежит. Только покой. Вы позаботились?..

Проводник: Да, врач уже там. Скорая будет ждать в Москве.

Константин: Нельзя до Москвы откладывать. Пусть на следующей же остановке забирают.

Проводник: Да? А как же родные?

Константин: Вам нужен труп?

Проводник: Да. Это вы верно... Ах да! Вот. Вам передали.

Проводник ставит на стол бутылку водки и уходит. Филипп закрывает за проводником дверь на замок. Артём бережно берёт бутылку в руки.

Артём: Хорошая. Дорогая. *(встряхивает, смотрит на пузырьки)* Да-а. Разопьём? Доктор, можно? *(Константин кивает – не против)*

Филипп: Да после всего – не помешало бы.

Артём: *(Роману с Владимиром)* Вы как?

Глеб: Может не надо?

Владимир: Нет. Я чай.

Роман: Только чуть-чуть.

Артём: Ну, понятно – чуть-чуть. Доктор, вы будете?

Константин: Можно.

Артём: Я тогда за стаканчиками схожу. *(выходит)*

Владимир: Почему вы его спасли?

Константин: *(устало)* Глупый вопрос. Я же медик.

Владимир: А я думаю, в вас любовь проснулась.

Константин: Любовь?

Владимир: Да, к человеку.

Константин: Послушайте, я очень устал, чтобы спорить.

Глеб: Я отвечу. Константин не мог его не спасти. Я бы на его месте сделал то же самое. Да любой. И не важно, в каком ты сам эмоциональном и моральном состоянии, ты обязан помочь.

Филипп: А говорят, у нас докторов нет нормальных.

Возвращается Артём с белыми пластиковыми стаканчиками. Ставит на стол, и рядом – свою рюмку.

Глеб: Так мы не практикуем уже.

Филипп: Ясно. Под снос?

Глеб: В смысле?

Филипп: Ну, вы окончательно?

Глеб: Нет. Мы наукой занимаемся.

Филипп: И как?

Глеб: Денег не дают. Так – копейки.

Артём: *(уже разлил водку по стаканчикам)* Вуаля. Прошу к столу.

Глеб: А почему рюмок пять.

Артём: А вы не будете?

Глеб: Нет. Я же, кажется, сказал.

Артём: А, ну ладно. Предлагаю тост! За нашего именин... тьфу! Доктора Константина... извините, не знаю как по батьке. В общем, да!

Артём чокается со всеми. Все пьют по-разному. Константин быстро выпивает и уходит взглядом в окно. Филипп громко выдыхает до и после. Роман пьёт как женщина – маленькими глотками. Артём – с энтузиазмом, сначала свою, потом Глеба.

Артём: Фу-ух. Как Христос босичком по душе прошёлся!

Филипп: А на закуску у нас ничего нет?

Владимир: *(достаёт бутерброд)* Возьмите.

Филипп: Спасибо.

Роман: И мне – можно? Запить. *(тянет руку к термосу)*

Филипп: Да, хорошая водка.

Артём: Ещё по одной? *(Филипп подставляет стаканчик)* Константин?

Константин: Немного.

Артём: Роман?

Роман: Нет-нет.

Артём: Да ладно. Я капелюшку налью.

На этот раз пьют без тоста, но чокаясь. Далее пьют в разной, в основном Артём с Филиппом, Константин больше не пьёт, Роман выпивает ещё две-три, все запивая.

Роман: Вы знаете, это удивительно, что то случилось!

Филипп: Что именно?

Роман: Ну, что человек в соседнем купе чуть не умер, а вы его спасли!

Константин: Что же в этом удивительного?

Роман: Ну, что это случилось тут!

Константин: Каждую минуту у кого-то случается сердечный приступ. Ничего удивительного, что это случилось тут.

Роман: Но сколько я ездил в поездах, ничего такого не было.

Константин: Ну вот и случилось.

Артём: *(Роману)* Радуйтесь, что не с вами!

Глеб: Никто не застрахован.

Владимир: Да. Вот у нас один мужик с завода сидел за обедом ел суп. Иван Фёдорович. Ну как обычно, у нас обед. Ну, все сидели, разговаривали, шутили там. А он подавился костью и умер. Прямо за столом. Представляете? Отец двоих детей.

Роман: Это ужасно.

Артём: Сейчас такой историей никого не удивишь.

Глеб: Смерть слепа.

Константин: Смерть едет в этом поезде.

Филипп: Ой, бросьте вы фигню молоть.

Константин: Нет. Серьёзно. Я по практике своей знаю.

Владимир: По какой практике?

Глеб: Ну что вы. По врачебной, конечно.

Константин: Если смерть пришла, кого-нибудь да заберёт с собой.

Артём: *(уже навеселе)* Ааа! Я знаю, к чему это вы клоните! Все уж и забыли, наверно, зачем мы здесь собрались? Вы, как, совершать самоубийство-то будете или забыли? Ваше здоровье! *(пьёт)*

Константин: *(смеётся)* Да, сейчас вот Владимир отдаст мне шприц и я буду готов. Вы, главное, сигнал дайте.

Филипп: А мы уже Бологое проехали, да?

Глеб: Да уж давно.

Роман: Вы знаете. Вы знаете, я так рад, что провожу этот день в такой компании. Я многое понял о себе. Это грустно, но это правда. Я когда вошёл в купе, думал, что будет как обычно: ну разговоры о погоде, может, кто скажет о политике. А тут такое. Знаете, я всем вам очень благодарен. Особенно вам, Константин. Как бы там ни было, а в чём-то вы правы. Я немного пьян, но я понимаю, что говорю, вы не подумайте. Это всё очень много для меня значит. Можно вам руку пожать?

Константин: Да можно, конечно.

Роман: Какие у вас руки! Как у пианиста!

Константин: *(смеётся)* Да какого же это пианиста!

Артём: А давайте в карты?

Константин: Во что?

Артём: В очко.

Константин: Давайте.

Артём: Кто-нибудь ещё будет?

Все отказываются. Артём раздаёт карты.

Константин: На что играем?

Артём: А вы на что хотите?

Константин: На смерть.

За окном гремит гроза.

Артём: На... смерть? Это если я проигрываю, то вы меня... убиваете?..

Константин: Да что я – убийца?! Если вы выигрываете, то я еду в Москву, если я выигрываю, то решено.

Артём: *(в сомнениях)* Мм...

Константин: А что – вы не игрок?

Артём: Игрок.

Константин: Ну так уж сдана карта.

Артём: *(кивает, выпивает ещё рюмку)* Играем.

Константин: Туз и девятка. Двадцать. Теперь себе.

Артём метает. Выпадает пятёрка и шестёрка. Все замирают в ожидании. Артём достаёт карту – туз бубен.

Константин раскатисто смеётся, и этот смех поневоле подхватывает Артём, а за ним остальные. Вдруг Константину становится дурно, и смех обрывается.

Константин: Сердце. Ничего страшного. Ох. Не могу шевелиться. Филипп, помогите мне.

Филипп: Да.

Константин: Во внутреннем кармане, белая баночка.

Филипп: Во внутреннем? Слева-справа?

Константин: Скорее. Ищите.

Филипп: А. Нашёл. Держите.

Константин: Положите мне в рот две штуки и дайте запить.

Испуганный, Филипп кладёт таблетки в рот Константина. Тот проглатывает, запивает водой и сразу же выпрямляется. На его лице различима тень улыбки.

Глеб: Почему ты не попросил меня?

Константин: Дурак.

Глеб: Что?!

Константин: Дурак, говорю. *(смотрит на всех)* Ну всё. Теперь я могу с чистой совестью. Разменялся. Спасибо вам всем. С вами было нескучно умирать.

Начинает задыхаться, глотает ртом воздух. Минуты две корчится. Глеб встаёт и не знает что делать, шепчет его имя. Поезд останавливается. Идёт дождь.

Действие второе
«Пики»

В купе все. Всё так же идёт дождь.

Артём: *(Константину)* А вы чувствуете запах миндаля?

Константин: Нет. Глеб чувствует.

Артём: А я не знаю: чувствую или нет. Как это проверить?

Константин: Радуйтесь.

Владимир: Можно вам руку пожать?

Константин: Ой, да бросьте, любой бы на моём месте...

Владимир: Мы-то все здесь потеряли рассудок, а вы с такой рассудительностью, с такой холодной головой!

Константин: Значит, не всего меня чорт попутал?

Владимир: Знаете, такое ощущение, что передо мной был другой человек. Не вы.

Константин: Тогда это был не я.

Входит проводник.

Проводник: Там пассажир. Которого вы спасли. Хочет поблагодарить. Он спросил...

Константин: Не, пусть лежит. Ему только покой. Вы позаботились?..

Проводник: Да, врач уж там. Скорая будет в Твери ждать.

Константин: Это ближайшая?

Проводник: Да. Ой! Вот. Вам передали.

Проводник ставит бутылку на стол и выходит.

Артём: *(загоревшись)* Вот это да! Что скажете, доктор?

Константин: *(устало)* Отдайте её лучше проводнику. Ему нужнее. У него сегодня тяжёлый день.

Владимир: Я отнесу. *(выходит, Филипп за ним)*

Роман: *(Филиппу)* Вы курить?

Филипп: Да. А что?

Роман: Можно с вами? *(выходят вместе)*

Артём: Он же вроде не курит.

Константин: *(Артёму)* Я бы мог попросить оставить нас на минуту? Нам нужно поговорить.

Артём: Ой, да, конечно. Я сам хотел. *(выходит)*

Какое-то время смотрят друг на друга.

Константин: Глеб, я не знаю что делать.

Глеб: Ты о чём?

Константин: Выпил таблетку больше часа назад, она не действует.

Глеб: Какую таблетку?

Константин: Рицин. Две штуки.

Глеб: У тебя ещё что-то было?!

Константин: Он должен был подействовать ещё до этого... случая. Может это из-за чая с сахаром. Я не знаю... Странно. Когда я там был, я думал, что вот сейчас умру и этот мужчина со мною. Как его звали?

Глеб: Он не говорил вроде. Неужели эта ситуация на тебя никак не повлияла?

Константин: Это ничего не меняет. Даже наоборот. Смерть уже тут. Она едет в этом поезде, в этом вагоне. Она просто ошиблась купе. Если б он умер, я бы *себя* винил.

Глеб: Ты же знаешь, ему в любом случае недолго осталось.

Константин: Не так-то часто в поездах умирают.

Глеб: А ты вот решил.

Константин: Потому и решил.

Возвращается Владимир, с ним Артём.

Владимир: Еле его нашёл.

Константин: Вы не знаете, как зовут того беднягу?

Владимир: Он не говорил. (*Константину, с надеждой*) Вы же передумали, да?

Возвращаются Филипп и Роман.

Глеб: (*Роману*) Вы же не курите.

Роман: (*поднимает плечи*) Бывает.

Константин: Кто-нибудь знает, как зовут того беднягу с сердцем?

Роман: Могу спросить.

Константин: Да я сам.

Владимир: Нет, сидите! Я схожу.

Константин: Как вам угодно...

Владимир выходит и тут же возвращается.

Владимир: (*озадаченно*) М-да... Вот же совпадение! Его как и вас зовут – Константин.

Константин: (*про себя*) И правда. Теперь ничего удивительного.

Владимир: В чём?

Константин: Да ни в чём. Хотите, я вам историю расскажу?

Филипп: Опять ваши истории.

Артём: А чего ещё делать-то? Ехать ещё часа четыре-три, не меньше.

Филипп: Но я не хочу ничего слушать.

Артём: А давайте проголосуем? А? Кто за?

Руку поднимает Артём, Роман, Константин.

Артём: Кто против?

Руку поднимает Глеб и Владимир.

Артём: *(Филиппу)* То есть вы воздержались?

Филипп: Я не играю в ваши глупые игры.

Артём: *(играя в телеведущего)* Подводим итоги голосования. Большинство голосов было.

Константин: *(устало, презрительно)* Прекратите клоунничать. Кто не хочет – может выйти. *(смотрит на Глеба и Филиппа, но никто не выходит)* Я много читал о самоубийствах. Много ужасного, грустного. И о концлагерях много. Там бараки специально так строили, чтоб никто не мог повеситься. И про Японию, когда в сорок пятом около ста тысяч японцев сделали харакири. И о самосожжениях старообрядцев. И о недавних самосожжениях в Тибете. Я искал ответа, почему люди совершают самоубийства. Ответов было много, я искал универсального. Когда я изучал средневековую хронику, я наткнулся на интересный факт. До XIV века вместо слова «самоубийство» использовали слово «десперадо», то есть – отчаяние. Причина отчаяния не имела значения. Это могло быть что угодно. Безвыходность. То есть ты перепробовал все варианты и это последнее, что остаётся. Если ты не болен психическим расстройством, то самоубийство вполне оправдано. Но люди-то вокруг не знают, какой путь ты проделал. И по большому счёту, ты нужен им только живым, мёртвым ты никому не нужен.

Есть одна история, она записана в хрониках. Где-то в XIII веке в Италии, или во Франции. Столетний старик, купец, выпрыгнул из окна своего дома. Родные судились с государством за наследство. Если это было самоубийство – имущество переходило государству, если несчастный случай – родственникам. Никто не задавался вопросом, что было на душе у того старика. Говорили, что он мог быть пьян или помешан, но никто не спросил: что он думал? Потому что мысли – не аргументы. Мысли – это так.

Филипп: Что вы хотите этим сказать?

Константин: *(перебарывая слёзы)* Вы последние люди, с которыми я говорю. И хочу, чтобы вы знали: я умираю, потому что мне ничего больше не остаётся. Я делаю это от безысходности. Я не думаю, что никому не нужен. Напротив, во всех вас я вижу участие, но это не то. *(Пауза)* Я хочу извиниться перед вами. Мне уже тяжело говорить. Подступает к горлу. Выпустите меня. Выпустите. *(встаёт, идёт к выходу, ноги подкашиваются, падает)*

Владимир: *(Глебу, в панике)* Что делать? *(наклоняется к телу)*

Глеб: Уже ничего. Зовите врача.

Владимир: Так вы врач!

Артём: Твою мать! Твою мать!

Глеб: Ему не помочь. Он выпил две таблетки рицина, уже давно.

Роман: *(в шоке)* Господи...

За окном гремит гроза. Стук в дверь.

Голос: Это я, Константин! Хотел поблагодарить доктора! Откройте!

В купе суета. Никто не знает что делать. Они переглядываются. Роман начинает плакать, Владимир, закрывает ему рот рукой.

Глеб: *(шёпотом)* Дверь нельзя открывать. У него слабое сердце.

Филипп: *(громко)* У нас что-то дверь заклинило!

Голос: Давайте я позову проводника!

Филипп: Не надо, мы сами как-нибудь!

Голос: Ну тогда я через дверь. Доктор! Доктор, вы меня слышите? *(Тишина)* Доктор?

Глеб: Да, слышу!

Голос: Доктор, спасибо вам большое! Если бы не вы! Я так вам признателен! У меня дома жена и двое детей ждут! Я только сейчас понял, как сильно их люблю и как им нужен! Доктор, вы слышите?

Глеб: Да, да. Вам надо лечь.

Голос: Да, извините. Уже!

Владимир: Вроде ушёл.

Филипп: Сходите к проводнику.

Артём: *(шёпотом)* Твою мать!

Владимир выходит.

Филипп: *(в растерянности)* Что же теперь делать?

Глеб: Ждать.

Возвращается Владимир.

Владимир: Там проводник лежит у себя в зюзяю пьяный.

Роман: Может, посадим его обратно? Как будто ничего не произошло.

Артём: Может, в карты?

Поезд останавливается. Тверь.

Филипп: Так, я пойду отсюда. Всем счастливо. *(собирает вещи, уходит)*

Роман: Тверь. У меня мать в Твери.

Глеб: Так выходите!

Роман: Что?

Глеб: Идите-идите! Мы скажем, что ему стало плохо после того, как вы сошли. Идите! Владимир, помогите ему.

Владимир берёт вещи Романа. Выходят.

Глеб: У вас есть что-нибудь выпить?

Артём: Нет. Может, у проводника осталось?

Глеб: Посмотрите.

Владимир возвращается.

Глеб: Всё?

Владимир: Вон стоит как привидение. Я сказал, чтобы он матери позвонил. И ни слова об этом.

Глеб: Давайте его положим. *(поднимают и кладут на сидения)* Вот так. *(устало)* Найдите доктора.

Владимир выходит, входит Артём.

Артём: Ещё больше половины!

Глеб: Дайте. *(пьёт залпом глотков шесть)*

Артём: *(достаёт рюмку, наливает)* Помянем. *(выпивает, наливает ещё, выпивает)*

Сидят молча минут пять, смотрят на труп Константина.

Артём: *(без эмоций)* Давайте в карты?

Глеб: Давайте.

Молча играют в карты. Идёт дождь.

Действие второе
«Червы»

В купе все. Всё так же идёт дождь. Продолжительное молчание.

Артём: *(Константину)* А вы чувствуете запах миндаля?

Константин: Нет. Вот Глеб чувствует.

Артём: А я не знаю: чувствую я или нет.

Константин: Узнаете ещё.

Владимир: Как же вы его не спасли?

Константин: Я сделал всё, что мог. Его нельзя было спасти.

Владимир: Даже в больнице?

Константин: Вряд ли.

Филипп: Что с ним было?

Константин: Возможно, стеноз, но ничего не могу утверждать. Когда-то его сердце должно было заглохнуть. Заглохло сегодня.

Владимир: Вы так спокойно об этом говорите, как будто у вас цветок завял.

Константин: Вы просто никогда не работали в больницах.

Входит проводник. Садится на краюшек между Романом и Владимиром.

Проводник: Я себе места не нахожу. У меня это впервые.

Артём: *(наливает ему воды)* Выпейте.

Проводник: *(пьёт)* До Твери ещё ехать сколько... Там его погрузят. А пока его ко мне перенесли. Я смерть вообще не переношу.

Роман: *(возбуждённо)* Я когда его глаза увидел, у меня сердце в пятки ушло.

Владимир: *(Константину)* Он мучился?

Константин: Нет. Он умер как во сне. *(щёлкает пальцем)* Быстро.

Проводник: *(в растерянности)* Что же теперь делать?

Константин: Ничего не делать. Продолжайте работу. Всё забудется.

Проводник: Я пойду... Там начальник поезда...

Проводник уходит.

Глеб: Бедняга.

Константин: Оклемается.

Артём достаёт бутылку водки.

Артём: Слушайте, я думал, у меня не осталось, а вот же она! Будете?

Филипп: Да, после всего – не помешало бы.

Артём: *(Роману с Владимиром)* Вы как?

Глеб: Может не надо?

Владимир: Нет. Я чай.

Роман: Только чуть-чуть.

Артём: Ну, понятно – чуть-чуть. Доктор, вы будете?

Константин: Можно.

Артём: Я тогда за стаканчиками схожу. *(выходит)*

Владимир: *(Константину)* Признайтесь, вы его могли спасти?

Константин: *(возносит очи к небесам)* А вы?

Владимир: А что я?

Константин: Ну вы что сделали, чтобы его спасти?

Владимир: Я – ничего. А что я мог?

Константин: В том-то и дело, что ничего.

Владимир: Но вы-то врач!

Константин: А так всегда: спас – молодец, что спас. А если не спас – кто виноват? Врач!

Глеб, скажи уже.

Глеб: Что сказать? Правда это.

Возвращается Артём с белыми пластиковыми стаканчиками. Ставит на стол, и рядом – свою рюмку. Разливает в полной тишине.

Глеб: А почему рюмок пять?

Артём: А вы не будете?

Глеб: Нет. Я же, кажется, сказал.

Артём: Значит я за вас помяну. Ну, не чокаясь.

Выпивают. Роман запивает чаем. Артём сразу наливает ещё. Выпивают в молчании. Пьют бутылку и дальше до конца.

Константин: Как думаете, смерть может ошибаться?

Филипп: В смысле?

Константин: Ну, может забрать не того?

Владимир: Нет, конечно. Всем свой час.

Роман: А у меня... ощущение. Что она вот здесь, с нами сидит.

Владимир: Ой, да бросьте вы эту мистику. Нет никакой смерти.

Константин: Правда? Вы же видели, как человек умирал.

Владимир: Видел. И не раз видел.

Константин: И что же – смерти нет?

Владимир: Нет.

Константин: Я сейчас не про ту, что с косой. Я вообще про смерть.

Владимир: Я тоже.

Константин: То есть, мы бессмертные?

Владимир: В каком-то смысле.

Константин: Тогда ответьте мне на простой вопрос. Почему же тогда все боятся умереть?

Владимир: Не понимают.

Константин: Чего?

Владимир: Того, что смерть – это не страшно. Да и не смерть вовсе.

Константин: А что ж это?

Владимир: Переход в другой мир.

Константин: А, ясно. То есть смерть в саване и с косой – это мистика, а переход в другой мир – нет? Да с кем я говорю?! Вы же помешаны на своей вере. У вас ничего своего нет, вот вам и навязали истины.

Владимир: Это у вас ничего нет, вот вы и жить не хотите.

Константин: Принято. Только что ж делать, когда и правда ничего нет? У вас просто глаза затуманены.

Филипп: Извините, что прерываю ваш дискурс. Но я тут читал, что есть три типа людей. Те, кто видит лес, но не видит деревьев. Те, кто видит и лес и деревья. И те, кто вообще ничего не видит, потому что ничего нет. (*Константину*) Вы, определённо, относитесь к третьей категории.

Константин: А вы к какой?

Филипп: Я? Ко второй.

Константин: И что же вы так спокойно относитесь к вырубке?

Филипп: Вырубают больные деревья, а здоровые оставляют.

Константин: (*едко*) А дровосек не вы, случаем?

Филипп: Не я. Но и не вы.

Константин: Нет, конечно, я просто спросил. Мало ли.

Глеб: Ну хватит уже. Ссориться.

Роман: (*уже пьяный*) Никогда не забуду этот взгляд. Он же умер уже, а смотрел как живой.

Артём: (*с усмешкой*) Напился!

Роман: (*будто в забытьи*) Ведь вот он: жил только что, а уже – всё. Как они там едут сейчас? Ужас. Ведь там женщина с ребёнком.

Константин: Не хотите поменяться?

Роман: А?

Константин: Поменяться. С женщиной и ребёнком.

Роман: (*смотрит испугано*) Я... Я не могу.

Константин: Почему?

Глеб: Костя!

Роман: (*тихо*) Мне. Страшно. (*начинает плакать*)

Владимир: Ну, ну. Что-то вы расклеились.

Минуту молчат.

Константин: А знаете, что я, как врач, заметил? Смерть очень редко забирает одного. Ну, если большое отделение. Ей удобней забрать сразу двух-трёх.

Владимир: Да что вы всё о смерти! В Бога не верить, а в смерть верить!

Константин: Зато я точно знаю, что она существует. И я с ней борюсь.

Филипп: Значит, боретесь?

Константин: Но не со своей. Раньше боролся.

За окном гремит гроза. У Романа истерика.

Роман: Я больше так не могу!

Глеб: Дайте ему воды.

Владимир: *(протягивает бутылку)* На, попейте.

Роман: *(выбивает бутылку из рук Владимира, вода разливается на пол; кричит)* Да не хочу я воды! Господи, куда я попал! Вы только о смерти, да о смерти!..

Константин достаёт белую баночку с таблетками.

Филипп: Какой вы...

Роман: Какой?! Ну, какой? Говорите же!

Филипп: Впечатлительный.

Роман: Впечатлительный, да? Вы правда так считаете, да? Да у меня нервы расшатались в этом дурдоме!

Константин: Хотите умереть?

Роман: Что?!

Константин: Может, вы хотите умереть? У меня есть... *(он крутит в пальцах таблетку)*

Роман выхватывает таблетку и проглатывает. Несколько секунд все сидят в шоке.

Глеб: *(Константину)* Что это было?! Что это было?!

Владимир: Плюйте, плюйте!

Артём: Твою мать! Твою мать!

Роман: Не буду! Это мой выбор! Я так хочу!

Глеб: *(Константину)* Ты убил человека!

Роман: Это не он! Это я! Это мой выбор!

Константин: *(смеётся)* Какой же вы дурак!

Роман: Это мой выбор!

Константин: *(хохочет)* Ну какие же вы!

Владимир: Что тут смешного?

Глеб: Ты сошёл с ума?!

Константин: Да это же была таблетка от сердца! *(хохочет)*

Все сидят в недоумении. Константин продолжает хохотать. Роман совершенно падает духом, не знает что предпринять. Собирается выйти, Владимир его не пускает. Роман пытается встать, но алкоголь мешает ему найти силы. Он падает на сиденье и сидит, как в тумане.

Глеб: Это не смешно.

Константин: *(смеётся)* Вот потеха! Ну, пошумели и хватит! Вот же они, таблетки эти!
(достаёт другую баночку таблеток) Глокает одну.

Глеб: *(в оцепенении)* Что это было?

Константин: А вы не чувствуете запаха? *(достаёт ещё таблетку и пальцем раздавливает на столе)*

Артём: Миндаль. Горький какой.

Глеб: Вытошни, вытошни!

Константин: Нет, Глеб. По правде, я уже не хочу умирать. Но что сделано, то сделано.

Филипп: Вы наконец-то сделали мужской поступок, но глупый.

Константин: *(Артёму)* Вы предлагали в карты? Давайте в очко, может успеем.

Артём суетится, ищет карты. Находит, мешает, раздаёт: червы и червы. Константин начинает задыхаться. Остальные смотрят в онемении. Поезд останавливается. Идёт дождь.

Действие второе «Трефы»

В купе все. Всё так же идёт дождь. Продолжительное молчание.

Артём: *(Константину)* А вы чувствуете запах миндаля?

Константин: Нет. Глеб чувствует.

Артём: А я не знаю: чувствую или нет.

Константин: Вам и не надо знать.

Артём: Я могу отличить любую водку на вкус.

Филипп: Где-то я это слышал.

Артём: И портвейн тоже.

Пауза

Владимир: Вы ничего не могли сделать, да?

Константин: Когда я вошёл, он уже был мёртв.

Владимир: А откачать?

Константин: Откачать? Это только в фильмах бывает. Не тот случай.

Роман: *(возбуждённо)* Я когда его глаза увидел, у меня сердце в пятки ушло.

Входит проводник. Садится на краюшек между Романом и Владимиром.

Проводник: *(отрешённо)* Я себе места не нахожу. У меня это впервые.

Артём: *(наливает ему воды)* Выпейте.

Проводник: *(пьёт)* До Твери ещё ехать сколько... Там его погрузят. А пока его ко мне перенесли.

Роман: А вы где?!

Проводник: То тут, то там. Такой шум. Никто не знает, что делать. Я сам. У нас один раз было, что человеку дурно, ну, ему валокординчику накапали. А тут... До Твери ещё ехать сколько... В общем, ужасно. Всегда боялся, что кто-то умрёт у меня. Каждый день молюсь, чтобы всё хорошо было.

Владимир: А сегодня забыли?

Проводник: Нет. И я сегодня не забыл. Но видите как... Он там пил. О покойниках не говорят плохо. Но за несколько часов на него две жалобы. Вижу, опять пришли: думаю: ну, опять. Я же не могу человека ссадить? А по лицу вижу: что-то произошло. Ну, а потом вы знаете. Смерть – это ужасно...

Глеб: Всё образумится как-нибудь.

Проводник: Да где уж... Я пойду. Там начальник поезда.

Проводник уходит.

Константин: Бедный человек.

Владимир: Вы ли это говорите?

Константин: А что я – зверь какой?

Все смотрят в окно. Филипп читает газету. Идёт дождь.

Артём: (Константину) А как вы относитесь к этому... ну, когда человека добровольно убивают?

Константин: Умерщвляют.

Артём: Ну, умерщвляют.

Константин: Эвтаназия. Положительно отношусь. Вот Владимир со мной, конечно, не согласится.

Владимир: Да это обычное самоубийство. Только легальное.

Филипп: Полгода назад я усыпил собаку. Она уже не жила, а мучилась. Что, я должен был – смотреть, как она страдает?

Владимир: Давайте не будем мешать людей с животными.

Константин: Давайте сначала разберёмся: что такое жизнь? Я согласен: конечно, жизнь это и радость и страдания. Но когда страдания, физические страдания превалируют над всем остальным, какой смысл это терпеть? Тем более, если ты в бессознательном состоянии.

Глеб: Шопенгауэр говорил, жизнь – это страдание.

Константин: Но он говорил о душевных страданиях.

Владимир: Да при чём здесь ваш Шопенгауэр? Жизнь – это благо, и всё, что нам ниспосылается, мы должно преодолевать. Иначе это просто не честно.

Константин: Жизнь вообще несправедлива, вы не знали?

Владимир: Это не мне решать.

Константин: Вы-то уверены, что всё стерпите, да?

Владимир: На сколько хватит сил.

Роман: А я – за эвтаназию. Просто знаю, что если буду мучиться, не смогу.

Владимир: Говорите, что хотите, а это всё равно убийство.

Константин: Я не собираюсь вас переубеждать.

Роман: Я не хочу умирать.

Филипп: Это вы к чему?

Роман: Да просто.

Артём: А я верю в реинкарнацию.

Владимир: А я вообще в смерть не верю.

Константин: В каком-то смысле я с вами соглашусь. Ведь что такое смерть? Умирание на клеточном уровне. Мы теряем оболочку. Но страдаем-то не телом.

Роман: Ливень такой сильный.

Глеб: Наверно, до Москвы будет.

Константин: До Москвы... Понимаете, ведь всё это глупости: самоубийство, эвтаназия. Мы боремся с жизнью, виним бога за то, что мы не счастливы. Но кто говорил, что бог должен заботиться о нашем счастье? Да, я не верю в него, но говорю это вам, потому что вы верите, каждый во что-то верит.

Пауза

Я когда садился на этот поезд, я был уверен, что вы дадите мне повод для самоубийства. Я был уверен, что смотря за окно: на всю эту нищету и голь и слушая вас, я пойму, как ничтожна жизнь, как она глупа. Я думал, что поговорю с обыкновенными людьми, у которых есть семьи и свои проблемы, и аргументы найдутся. Но я так и не нашёл аргументов. То есть аргументов много, но ни один не оправдывает того, что я хотел сделать. Самоубийце нужно оправдание. Потому что все самоубийства, если они совершаются в рассудке, совершаются от отчаяния. Я уже давно отчаялся, но мне было этого мало, я хотел всё для себя уяснить. Я искал оправдания и не находил. И так и не нашёл. Но я не хочу ехать в Москву, не хочу смотреть вам в глаза. У меня есть что-то, что я не могу сказать. Это замкнутый круг.

Гремит гроза, слышится громкий скрежет, освещение рябит. Свет полностью потухает. Раздаются крики.

Звук бьющегося сердца.

Следующая сцена: Константин сидит на траве. Сзади него на боку поезд. К нему подбегает проводник.

Проводник: Вы живы?

Константин: Да. Что-то с ногой. Наверно, перелом. Что случилось?

Проводник: Я был в хвосте. Половина мертвых, кое-кого ещё не можем вытащить. Я вернусь.

Константин осматривается по сторонам, видит лежащего Владимира, дотягивается рукой, меряет пульс – мёртв. Вытаскивает из его кармана футляр. Рядом валяется билет, который купил Роман у проводника.

Константин: *(в пустоту)* Наверно, выигрышный. Такие всегда выигрывают. Вот и повод. *(пока говорит, снимает пиджак, растёгивает рубаику)* Два года назад я делал операцию на сердце девочке лет пятнадцати. Операция была долгая. Когда долго оперируешь, руки наливаются свинцом, становятся неподъёмными. Я знал, что если опустить руки, то всё. Я терпел, но не выдержал. Опустил, а когда поднял, уже не смог продолжить. Девочка умерла. Конечно, никто ничего не узнал. Операция была очень

Новиченков А.Н. «Купе»

сложная. Но я мог её спасти, должен. (разрывает рукав и перевязывает руку выше локтя. В этот раз в Питере увидел её мать. Я не подошёл. Мне было стыдно.

Достаёт шприц из футляра, сжимает кулак. Идёт дождь.

Конец